

— Принесите овсяной каши, разварите её хорошенько, чтобы не была слишком густой.

Молодая медсестра закивала и попятилась к выходу, а у самой двери чуть не споткнулась о собственные ноги и едва не растянулась на полу.

Ло Юй усмехнулась: до чего же забавная эта медсестра.

Однако, стоило ей перевести взгляд на черную линейку для наказаний, как улыбка мгновенно сползла с лица.

После каждого удара линейкой Ло Юй, преодолевая боль, послушно называла порядковый номер. Сжав зубы и чувствуя, как от ужаса шевелятся волосы на затылке, она вытерпела все восемь ударов. Наконец наказание закончилось. Ло Юй с шумом выдохнула, чувствуя себя так, словно из неё вынули все кости, и бессильно распласталась на полу. Ладонь правой руки горела так, что почти онемела.

— Встать на колени как следует! Что значит правильная поза, семейный закон снова забыла?

Тьфу, только и знают, что тыкать этим семейным законом. В душе klokотало возмущение, но Ло Юй послушно выпрямила спину, прижала руки к бедрам и уставилась прямо перед собой.

Сегодня явно не её день! Только что получила линейкой, теперь ещё и на коленях стоит. Ну что за несчастная судьба!

Ло Хань молчала, и Ло Юй, разумеется, не смела подать голоса. Пол был твердым и ледяным, и сколько ещё придется так стоять — неизвестно. Ло Юй мучилась, а Ло Хань с комфортом устроилась в кресле, неспешно попивая черный чай. Время от времени она бросала на Ло Юй холодный взгляд, от которого у той снова начинали шевелиться волосы на затылке, и она боялась даже пошевелиться, чтобы хоть немного расслабиться.

Время тянулось медленно. Из окна потянуло ветром, и Ло Юй показалось, что её одежда слишком легкая — стало зябко. В последнее время она постоянно хотела спать, и сейчас её снова начало клонить в сон. Голова стала тяжелой, хотелось только одного — зарыться в теплое одеяло и досмотреть прерванный сон.

Но рядом была Ло Хань, и если уснуть во время наказания — это верная смерть. Похоже, тогда снова придется вспоминать о семейном законе.

Ло Юй так сильно хотелось спать, что веки слипались. Еще секунда — и она провалится в забытие. Не имея другого выхода, она изо всех сил ущипнула себя за распухшую рану на правой руке. Резкая боль пронзила тело, она вздрогнула и сразу пришла в себя, сонливость как рукой сняло. Ло Юй про себя усмехнулась: этот метод действительно сработал.

Прошло больше часа. Медсестра, дрожа от страха, подошла к двери с миской каши. Не решаясь войти без приглашения, она тихонько постучала.

Ло Хань отставила чашку с чаем и негромко произнесла:

— Вставай. На этом закончим.

Ло Юй, чьи ноги уже совсем затекли, с трудом поднялась, заковыляла к кровати и, взбравшись на неё, принялась растирать распухшие колени, горько вздыхая.

— Слушай меня внимательно: если я замечу такое снова, одним наказанием дело не ограничится. — Ло Хань взяла со столика пузырек с лекарством, крепко сжала его, а когда разжала ладонь, пузырек превратился в порошок.

Она подошла к окну и высыпала содержимое наружу. Легкий ветерок подхватил белую пыль, унося её прочь.

Ло Юй показала язык. Ло Хань, должно быть, имела в виду, что если она провинится снова, то её саму превратят в порошок или лепешку...

— Слышала, ты два дня ничего не ела.

— Старая болячка, желудок болит, не лезет ничего. — Ло Юй нахмурилась. Желудок и без того ныл, а после экзекуции разболелся ещё сильнее.

— Каша легче усваивается, съешь хоть немного. — Лицо Ло Хань оставалось холодным. Ло Юй украдкой взглянула на неё — кажется, та уже не была так зла, как прежде, и тревога в сердце немного улеглась.

Раз Королева следит за процессом, хочешь не хочешь, а придется изобразить аппетит.

Ло Юй прижала левую руку к ноющему желудку, а правой потянулась за миской, которую протягивала медсестра. Но стоило ей коснуться посуды, как от резкой боли она вздрогнула и машинально отшвырнула миску в сторону.

Каша была горячей, а правая рука, только что получившая порцию ударов линейкой, распухла вдвое. Ло Юй по привычке потянулась именно ею и от боли чуть не подпрыгнула на кровати.

На беду, в панике она швырнула миску куда попало — прямо в сторону Ло Хань.

Ло Юй в ужасе зажмурилась. Если каша выплеснется на голову Ло Хань, последствия будут катастрофическими...

Ло Хань наверняка отвесит ей пару смачных пощечин.

И правда, день не задался, словно сам дух невезения вселился в неё.

Однако реакция Ло Хань превзошла все ожидания. Она ловко уклонилась от летящей миски, затем развернулась на сто восемьдесят градусов и, протянув руку, уверенно подхватила миску в воздухе. Все движение заняло меньше секунды, и на пол не пролилось ни капли.

Ло Юй подумала, что использовать такую ловкость для ловли каши — сущее расточительство.

Ло Хань сделала два шага вперед. Ло Юй уже приготовилась получить пощечины, но вместо этого почувствовала острую боль в ухе.

Ло Хань с силой дернула её за ухо и резко повернула:

— Ты нарочно, да? Всего-то постояла на коленях немного.

Ло Юй взвыла и замахала руками:

— Невиноватая я! Как я могла? Рука дрогнула, честное слово, соскользнула! — Она принялась оправдываться, боясь, что Ло Хань выйдет из себя. Украдкой взглянув на неё, она увидела в её

обычно ледяных глазах едва заметную усмешку и поняла, что та не сердится по-настоящему, поэтому осмелела.

— У меня рука распухла, покорми меня сама. — Пользуясь хорошим настроением Королевы, Ло Юй решила немного покапризничать.

Раз уж она насладилась тем, как Королева помогала ей мыться, пусть теперь покормит.

Правда, само слово кормить Ло Юй не понравилось — звучало так, будто она какой-то домашний питомец.

Ло Хань отпустила покрасневшее ухо. Ло Юй потерла его — оно горело и слегка покалывало.

Ло Хань действительно взяла миску, зачерпнула ложку и поднесла к губам Ло Юй. Аппетита не было, но чтобы задобрить Ло Хань, пришлось через силу глотать. Но стоило проглотить первую ложку, как желудок отозвался протестующим спазмом.

Когда она съела почти полмиски, лицо её стало совсем бледным. В груди давило от тошноты, желудок скрутило так, будто внутри заработала мясорубка.

Ло Юй спрыгнула с кровати и бросилась в туалет, где её тут же вырвало всем тем, что она только что съела. Ей было невыносимо плохо, казалось, она сейчас вывернет наизнанку все свои внутренности.

Облегчившись, она вытерла рот и опустилась на холодный кафель, чувствуя полное бессилие. Лишь спустя долгое время она смогла подняться и, пошатываясь, вернуться в палату. Лицо её было белым, как мел.

— Так плохо, не хочу больше есть, — прошептала она, откидываясь на подушки. Непонятно, почему желудок в последнее время так разбушевался.

— Съешь ещё немного. Если совсем ничего не есть, желудку станет только хуже. — Для Ло Хань это звучало почти нежно.

Ло Юй оттолкнула её руку и закуталась в одеяло. Её снова клонило в сон, и разбираться с Ло Хань не было сил.

Но у Королевы характер был не из легких. Если мягкие слова не действуют, значит, пора переходить к приказам.

Ло Хань схватила Ло Юй за воротник и вытащила из-под одеяла:

— Не хочешь по-хорошему, будет по-плохому!

Ло Юй хотелось спать, её мутило, желудок продолжал спазмировать, тело болело, а рука от любого прикосновения отзывалась болью. Долгие страдания вывели её из себя. Она и так съела миску, проявив невиданное послушание!

— Да хоть сколько я съем, всё равно выйдет обратно, какой в этом смысл?! — повысила она голос. — Я не хочу ни по-хорошему, ни по-плохому!

Больной человек, а гонору — хоть отбавляй.

Только вот с Королевой Ло Хань такой тон означает одно: напрашиваться на неприятности.

Приказ Королевы: раз не услышала, два не услышала — на третий раз она переходит к действиям.

Ло Хань крепко сжала подбородок Ло Юй и насильно влила кашу ей в рот. Ло Юй от неожиданности прикусила язык, из глаз брызнули слезы, и она в ярости выплюнула всё обратно.

— Ты будешь есть или нет?

— Нет! — Это был произвол, полное отсутствие прав человека! Где демократия, свобода, равенство?

В клане Ло слова Ло Хань — истина, её приказы — священный указ. О каком равенстве может идти речь? Ло Хань — хозяйка, остальные убийцы — её подчиненные. Вот и всё равенство! То, что решила Ло Хань, никто не смеет оспаривать — вот и вся демократия! Ло Юй в клане была наполовину хозяйкой и перед другими могла порассуждать о справедливости, но перед Ло Хань у неё не было права голоса.

Лицо Ло Хань стало холодным, как лед в разгар зимы.

Она подошла к двери и приказала Ло Первому, стоявшему на страже:

— Иди в дом, принеси мне кнут!

— Но... Молодой господин ранен... — Ло Первый замялся. Если бить тяжелораненого, дело может закончиться смертью. Хозяйка сейчас в гневе, если она действительно нанесет увечья, то наверняка сорвет злость на нем. Ему было нелегко, но послушаться приказа Ло Хань он не мог.

— Меньше слов, принеси кнут! — раздраженно бросила Ло Хань.

Ло Первый покорно удалился.

Неизвестно, предназначались ли эти слова ему или Ло Юй, но лицо последней заметно помрачнело.

В комнате воцарилась гнетущая тишина. Медсестра стояла в стороне, не зная, уйти или остаться, и старалась не дышать.

Ло Юй стиснула зубы, сделала несколько глубоких вдохов и наконец нарушила молчание:

— Прости, я была слишком упрямой. — Она извинялась нехотя, но спорить с Ло Хань себе дороже. Сейчас Королева в гневе — побьет, и не поморщится, а виноватой всё равно останется она.

Ло Хань молчала, и сердце Ло Юй ушло в пятки.

— Не сердись больше, я съем кашу, хорошо? — жалобно заискивала она. С самого детства Ло Юй больше всего боялась гнева Ло Хань — не потому, что боялась побоев, а потому, что боялась разочаровать её. Стоило лицу Ло Хань помрачнеть, как настроение Ло Юй тут же падало.

Она взяла миску, преодолевая тошноту, зачерпнула ещё порцию и через силу проглотила. Как только миска опустела, её снова потянуло в туалет.

Вид у Ло Юй был ужасный, она едва держалась на ногах. Желудок был пуст, и появилось легкое чувство голода.

Ло Хань ничего не сказала, лишь вытерла уголки рта Ло Юй салфеткой и помогла ей лечь.

Она отбросила подушку и позволила Ло Юй прислониться к её плечу. Затем снова наполнила миску, зачерпнула ложку, подула на неё и поднесла к губам Ло Юй.

Ло Юй горько усмехнулась: ощущение, когда тебя рвет после каждого приема пищи, не из приятных. Но раз уж Королева решила покормить её сама, отказаться она не смела — даже если бы это был яд, пришлось бы проглотить.

Стало ясно: за внимание Королевы приходится платить. После помощи в купании — наказание линейкой и стояние на коленях, после кормления — два приступа рвоты и чуть не состоявшаяся экзекуция кнутом.

Каша все ещё дымилась. Ло Юй попробовала ложку — вкус оказался неплохим: с лотосом, красными бобами и лилиями. Удивительно, но на этот раз тошнота не подступила, в желудке стало тепло, и боль немного утихла.

Хотя методы Ло Хань были жесткими и совершенно не считались с правами человека, упрямство Ло Юй привело бы лишь к тому, что боль в желудке стала бы невыносимой.

— Слушай: в следующий раз, если барышня не поест вовремя, просто вливай ей еду в рот, — сказала Ло Хань медсестре.

Медсестра с тоской кивнула, про себя проклиная судьбу: Королева, вы смеете так обращаться с барышней, а у меня и духу не хватит!

Ло Первый принес черный кнут. Увидев, что буря улеглась, он с облегчением выдохнул.

— Кнут унести? — спросил он у Королевы.

— Не нужно, оставь здесь. Может, ещё пригодится, — небрежно бросила Ло Хань, не заботясь о чувствах той, кто лежал на кровати.

Ло Юй, сжавшаяся в объятиях Ло Хань, вздрогнула. Вид длинного черного кнута заставил раны на ягодицах снова занечь.

— Будешь послушной — бить не стану. А если зачешутся руки... — голос Ло Хань был мягким, но Ло Юй пробрал холодный пот. Для неё кнут был убедительнее сотни слов — это была истина, в которую верила Ло Хань.

Ло Юй зарылась в одеяло, накрыла лицо и пробормотала:

— Я спать хочу. — Наелась, напилась — пора и поспать.

Она ухватилась за край одежды Ло Хань и вскоре провалилась в сон.

Спустя полмесяца десяток однокурсников пришли навестить Ло Юй. Среди них была и Си Ци, обычно державшаяся особняком.

Ло Юй болтала с ребятами, украдкой поглядывая на Си Ци, которая тихо стояла в углу. Та не

проронила ни слова, следуя правилу убийц быть незаметной, но среди остальных её холодная, породистая красота притягивала взгляд.

В палате тихо играла музыка. Гости дарили подарки, на прикроватной тумбочке стоял букет свежих лилий (Ло Юй осталась ими очень довольна). Посидев немного, ребята ушли, чтобы не утомлять больную. За всё время Си Ци так и не сказала Ло Юй ни слова.

Когда все ушли, Ло Юй принялась разбирать подарки. Первым делом она открыла пакет Си Ци. Подарок выглядел невзрачно и терялся на фоне остальных.

Ло Юй открыла белую коробочку: внутри лежал маленький черный пистолет. Мини-пистолет был не очень дальнобойным и точным, зато его легко было спрятать. Он был размером с ладонь, изящный и крошечный.

Ло Юй не могла налюбоваться — видно, Си Ци подошла к выбору с душой. Должно быть, это была новинка из того самого оружейного магазина. Ло Юй вдруг вспомнила витрины того магазина, заставленные товарами для взрослых. Интересно, что чувствовала Си Ци, проходя мимо них каждый раз, когда покупала оружие?

Подарки остальных были скучными: торты, платья, музыкальные шкатулки, билеты в кино. Ло Юй больше интересовали мечи и пистолеты, хотя дорогие машины или яхты тоже были бы неплохи, но никто не мог себе такого позволить.

Ло Хань быстрым шагом шла по коридору больницы, её каблук звонко цокали по мрамору.

— Выяснили? Кто сражался с Цяньин во время похищения Сяо Юй?

— Убийца под номером два в рейтинге, Циша, — ответил Ло Первый, следуя на шаг позади.

— Почему он оказался там? — Если бы в рядах Цяньин не случился раздор, Сяо Юй не удалось бы сбежать. Ло Хань не могла не отметить удачу Ло Юй — иначе сейчас на больничной койке лежал бы труп. От этой мысли глаза Ло Хань опасно сверкнули.

— Циша предал Цяньин два года назад. В этот раз они отправили лучших убийц по его душу, но непонятно, как в это оказалась втянута молодой господин, — Ло Первый был в недоумении.

— Неважно почему! Тот, кто тронул моих людей, не должен жить! — Ло Хань усмехнулась, в её глазах читалась холодная решимость. — Выяснили, кто такой Циша?

— Виноват, госпожа. Циша исчез два года назад, сейчас он ведет себя тихо, мы искали его долго, но безрезультатно. — Ло Первый склонил голову.

Навстречу им шла группа ребят, только что навестивших Ло Юй. Они смеялись, атмосфера была легкой, но вдруг все как один замолчали. Лица их стали серьезными, в груди словно что-то сдавило, слова застряли в горле.

Необъяснимая тревога охватила толпу. Си Ци, до этого сохранявшая невозмутимость, изменилась в лице и инстинктивно потянулась к поясу, где было спрятано оружие.

Тяжелое, давящее ощущение, невозможность дышать, скрытая жажда убийства.

Си Ци ещё раньше заметила, что палата Ло Юй находится под охраной: двое у двери, один у кухни, двое у туалета, трое в коридоре, а поблизости — ещё больше убийц. Они маскировались

под врачей и пациентов, но опытный глаз Си Ци сразу распознал их.

Раньше это не вызывало у неё страха, ведь она выполняла S-задание, устранив политического лидера на глазах у полусотни убийц, и ушла незамеченной.

Но сейчас всё было иначе. Страх, которого она никогда не знала, накрыл её с головой. Ощущение опасности было настолько сильным, что тело само требовало бежать.

Си Ци посмотрела вперед и увидела идущих навстречу мужчину и женщину. Мужчина держался чуть позади, ведя себя крайне почтительно.

Женщина была высокой, с каштановыми волнистыми волосами, на пальце сверкал перстень с рубином. Несмотря на высокие каблуки, она шла удивительно уверенно.

Си Ци внимательно изучала незнакомку: в перстне наверняка скрыт механизм, в черных колготках — как минимум пара кинжалов, на поясе — современный пистолет. Было ли у неё ещё оружие — Си Ци не знала.

Женщина казалась загадкой, бомбой замедленного действия. Каждый нерв кричал об опасности.

Остальные ребята тоже смотрели на Ло Хань. Женщина была сексуальной, от неё веяло зрелостью, а взгляд был холодным, как у Королевы, восседающей на троне. Но её аура была настолько мощной, что обычные люди при одном взгляде чувствовали, как сердце начинает биться неровно, а в глазах темнеет. Поэтому все они поспешно опустили головы.

Это была первая встреча Ло Хань и Си Ци. Ни одна не знала, кто перед ней, но Ло Хань сразу выделила Си Ци из толпы.

<http://bllate.org/book/20768/2083897>